

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ СКИТЫ В РЕВДИНСКОЙ ВОЛОСТИ ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО УЕЗДА

В двух предшествующих работах мы уже затрагивали вопрос о старообрядческих скитах, расположенных в «Урминских пределах» и близ Шарташского селения¹. В настоящей статье предпринимается попытка рассказать еще об одном известном скитском центре Урала, находившемся в Ревдинской волости Екатеринбургского уезда Пермской губернии.

Первые населенные пункты в этом районе – деревни Красноярская (Краснояр), Починок, Сажина – возникли на рубеже XVII–XVIII вв., а их основателями были беглые крестьяне из Центральной России. По информации миссионеров, почти одновременно с возникновением Краснояра в деревне была построена старообрядческая часовня². В XVIII–начале XIX вв. эта часовня несколько раз обновлялась, пока в 1851 г. не была передана в пользование единоверцам. Старообрядцы же устроили для себя новое молитвенное здание, просуществовавшее до 1930-х гг.

Естественно, существует большой соблазн соотнести возникновение деревень на берегах Ревды и появление здесь первых скитов так называемого «хуторского» или «семейного» типа. Не исключая такой возможности, все же отметим, что более традиционные старообрядческие пустыни, населенные иноками и инокинями, были основаны в этих местах лишь после строительства Ревдинского и, расположенного поблизости, Васильево-Шайтанского (ныне – г. Первоуральск) заводов.

Богатые месторождения железной руды на этой территории были открыты еще в 1702 г., однако строительство заводов началось только через 30 лет. Согласно «полюбовному» договору между братьями Демидовыми, зем-

¹ См.: Белобородов С.А. Старообрядческие скиты в «Урминских пределах» (страница из истории староверия в Пермской губернии)// Проблемы истории России. Вып. 6 Екатеринбург, 2005. С. 284–294; *Он же*. Шарташ – старообрядческий рай (из истории «шарташской веры» на Урале в XVIII–первой половине XX вв.)// Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 343–352.

² К истории православного старообрядчества (единоверия)// ЕЕВ. 1903. № 13. С. 318.

ли по р. Шайтанке отошли к Никите, а по Ревде – к Акинфию. В 1731 г. был заложен первый камень в основание плотины Шайтанского завода, пуск которого состоялся 1 декабря 1732 г.

Через 15 лет в Шайтанке насчитывалось всего 88 дворов, причем в 55 из них проживали раскольники. Характеризуя «бедственное положение православия», местный священник Агафонов в 1754 г. доносил Духовному правлению: «при Шайтанском заводе мастеровые и в разных работах находящиеся люди в высокаторжественные дни у всенощного бдения, у божественной литургии и у молебного пения не бывают, только весьма малое число – не более 5 или 10 человек, и то старухи, да малые ребята»³.

По уверению местных жителей, старообрядческая часовня в Шайтанском заводе была построена еще в 1740-х гг. Однако к концу XVIII в. она обветшала и была реконструирована в 1790 г. (еще раз «поправлена» в 1815 г.). Во время большого пожара, случившегося в 1821 г., эта часовня сгорела, после чего шайтанские старообрядцы вынуждены были собираться на моления в частных домах, либо же ездить в Екатеринбург или Ревду.

Чугуноплавильный и железоделательный завод около впадения р. Ревды в Чусовую начали возводить в 1731 г., а первый металл был выплавлен в 1734 г. По свидетельству православных священников XIX в., «раскол в Ревде существует с самого основания сего завода». Работники – в большинстве своем старообрядцы – переселялись сюда заводовладельцами с других предприятий. Кроме того, Демидовы «охотно принимали всяких беглых. Бежали в Ревду раскольники из Московской, Тульской и Нижегородской губерний»⁴.

Распространению староверия на Шайтанском и Ревдинском заводах в немалой степени способствовало то, что значительная часть представителей местной администрации сами были старообрядцами и весьма активно выступали против официальной Церкви: «мастеровые и работные люди в церковь Божию не ходят, знатно принуждения им от приказчиков здешних не бывает ... И оное признаваю за нерачение здешних как приказчика, так и расходчика, понеже оные в расколе находятся, для того ревности о благочестии не имеют, и церкви Божией достодолжного не воздают почтения, и по указам исполнения не чинят ...»⁵.

Подлинно неизвестно, когда была выстроена часовня в Ревдинском заводе, однако в 1776 г. она названа уже «давно существующей» (перестраивалась в 1807 и 1825 гг.)⁶. В 1838 г. эта часовня была отнята у старообрядцев и передана небольшой единоверческой общине, появившейся в Ревде благодаря трудам миссионеров. После этого староверы довольно долго собира-

³ *Топорков А.А.* О Васильево-Шайтанском заводе. Пермь, 1892. С. 38.

⁴ Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902. С. 54.

⁵ *Топорков А.А.* О Васильево-Шайтанском заводе. С. 93.

⁶ К истории православного старообрядчества ...// ЕЕВ. 1903. № 13. С. 318.

лись на моления в приспособленных по случаю частных домах, пока, наконец, не обзавелись часовней, построенной в 1888 г.⁷

С большой вероятностью можно предполагать, что старообрядческие пустыни (мужские и женские) появились в окрестностях завода не позднее середины XVIII в. Как и в других районах горнозаводского Урала, здесь также сложилась достаточно распространенная схема взаимоотношений местных жителей и скитников, при которой первые существенно помогали вторым материально, скитники же занимались «обслуживанием» духовных потребностей ревдинских староверов.

Активизация скитского движения в Ревдинской волости пришлось на последнюю четверть XVIII в. и была связана с общим всплеском активности уральских скитников в то время⁸. Верстах в семи от Краснояра, у подножья довольно значительной по местным меркам горы Шунут (724 м), возник небольшой женский скит, память об одной из насельниц которого до сих пор чтится старообрядцами (причем не только местными). Речь идет о матушке Платониде, чья могила и находящийся поблизости радоновый источник ежегодно привлекают сотни паломников.

Первые упоминания о Платониде были обнаружены нами в опубликованных документах из архива С.Д. Нечаева – петербургского чиновника, командированного на Урал в 1826 г. для изучения раскола. Среди собранного им обширного материала особый интерес для нас представляют «Заметки о раскольничьих скитах в Пермской губернии», составленные по поручению Нечаева бывшим старообрядцем В.П. Клюквиним. В этом источнике в разделе «О мощах раскольнических» отмечена могила монахини Платониды, с весьма любопытным примечанием, что она происходила из калмыков⁹. Отметим, что в XVIII в. появление среди старообрядцев крещеных татар и калмыков, по всей видимости, было не таким уж редким явлением. Достаточно вспомнить одного из авторитетнейших уральских расколотителей о. Максима по прозвищу Калмык, происходившего из ногайских татар¹⁰. Можно упомянуть и о факте, содержащемся в родословной, составленной известным старообрядцем Я.В. Харитоновым, о покупке им в 1787 г. калмыцкого мальчика, крещенного в православие, а затем «исправленного

⁷ Отчет Екатеринбургского епархиального миссионера за 1901 г. Екатеринбург, 1902. С. 17.

⁸ Белобородов С.А. Старообрядческие скиты в «Урминских пределах» ... С. 285.

⁹ Из архива С.Д. Нечаева. Заметки В.П. Клюквина о раскольничьих скитах в Пермской губернии // Братское слово. 1893. № 8. С. 614.

¹⁰ Духовная литература староверов востока России. Новосибирск, 1999. С. 628.

в старообрядчество»¹¹ и о других подобных случаях. Таким образом, на наш взгляд, информация Клюквина вполне заслуживает внимания.

Более определенных сведений о Платониде ни в заметках миссионеров, ни в архивных делах обнаружить не удалось. Зато достаточно много о ней рассказали уральским археографам сами ревдинские старообрядцы. Главные этапы ее жизни излагаются в двух основных преданиях:

1. В Краснояре жила некая старообрядческая семья, в которой были два брата и сестра. После смерти родителей братья не захотели делить наследство с сестрой. Они отвезли ее в лес и оставили там в скиту. Лет через 30, мучимые угрызениями совести, братья решили навестить скит и замолить грех у могилы сестры. Каково же было их удивление, когда они увидели Платониду не только живой, но и такой же молодой, как и много лет назад. Оказалось, что из родника у скита текла «святая вода», умываясь которой она сохранила красоту и молодость¹².

2. Платонида происходила из татарской семьи. Родители задумали выдать девушку замуж, но накануне свадьбы она бежала из дома. Приют она нашла в скиту, где приняла иноческий постриг. Платонида прославилась аскетичной жизнью и строгим исполнением устава. Святость жизни инокини охранял медведь. Однажды лихие люди наткнулись на скит, но долго не могли подойти, опасаясь медведя. Дождавшись удобного случая, они застрелили из ружья сначала зверя, а потом и Платониду. Вскоре на месте ее гибели появился источник с чудесной водой. Могиле около 220 лет (запись сделана в 1981 г., следовательно, речь идет о 1760 годе. – С.Б.). Спустя 40 лет после захоронения могилу раскопали и нашли тело совершенно целым, лишь мизинец почернел¹³.

На рубеже XVIII–XIX вв. настоятельницей в скиту была некая матушка Таисья. Однако позже скитницы покинули эти места и переселились в более спокойный и уединенный район. В XIX в. могила Платониды уже была одной из самых почитаемых уральскими старообрядцами святынь. Ежегодно в середине августа сюда стекались тысячи людей, причем некоторые добирались из весьма отдаленных селений. «Много сюда приходит женщин, мужья которых страдают запоем. Они берут с ее могилы землю, которую кладут в вино и этим поят своих мужей»¹⁴. Вода из источника также обладала живительной силой, особенно, если страждущие оставляли здесь какую-либо свою вещь, например, платок или полотенце.

¹¹ Свистунов В.М. История Каслинского завода. 1745–1900. Челябинск, 1997. С. 143.

¹² Информация получена от Логиновских С.Ф., 1929 г.р. Из архива автора статьи.

¹³ Архив ЛАИ УрГУ. Дневники. Д. 86 / 81–7. Л. 5.

¹⁴ Приходы и церкви ... С. 54.

Как сообщали миссионеры, еще один женский скит был устроен в 1790 г. неподалеку от Краснояра, на берегу Ревды, напротив селения. Управляла им игуменья Анисья (удостоившаяся быть отмеченной Нечаевым в 1826 г.), а помощницей ее была инокиня Иринарха. Число сестер в скиту достигало 20 человек. При этой пустыни была часовня, в которую ежегодно 9 мая из мужского скита крестным ходом приносили иконы. На старом месте скит существовал недолго, так как после строительства в начале XIX в. плотины Мариинского вспомогательного завода на реке образовался пруд, затопивший довольно большую площадь. Скитская часовня была продана в Мариинск крестьянину Белову, а кельи и службы – красноярским крестьянам¹⁵.

Около 1822 г. на правом берегу Ревды, напротив впадения в нее речки Павлушки, был основан новый старообрядческий женский скит. «Он состоял из 5 – 6 крестьянских изб, поставленных отдельно одна от другой. В каждой избе проживало по 2 – 3 инокини. Они занимались рукодельем и огородничеством, чем и пропитывались»¹⁶. Настоятельницей здесь была матушка Полинария, чье имя также зафиксировано в бумагах С. Д. Нечаева. Во второй половине 1830-х гг. скит распался: некоторые монахини присоединились к единоверию, другие же разбрелись по разным местам. Однако, по меньшей мере, три скитницы переселились в Краснояр, где нашли приют в специально устроенных «келечках». Именно эти инокини – Манефа (Булатова), Анфиса (Федорова) и Аперсида, «пользовавшиеся большим влиянием на красноярских жителей»¹⁷, заложили новые традиции скитской жизни, которые просуществовали вплоть до начала XX столетия.

Кроме женских существовали в Ревдинской волости и мужские старообрядческие скиты. Возможно, что раньше других эти места облюбовал некий инок Аввакум, чья могила в двух верстах от д. Сажиной в XIX–начале XX вв. также привлекала немало паломников. По описанию 1915 г. «могила расположена неподалеку от обрыва. Небольшое расчищенное от леса место окружает ее ... Над могилой на простой доске прибит образ Божией Матери «Утоли моя печаль». Над могилой был когда-то сделан навес. Вероятно, он долго стоял, но теперь столбы подгнили, и ветер снес навес. Самый могильный земляной холм насыпан высоко и, чтоб земля не рассыпалась, он обшит досками. Пред могилой устроен аналой. Сюда в день св. Петра и Павла сходятся помолиться из Ревдинского, Шайтанского заводов и других мест ... Богомольцы бывают здесь по суткам и двое, заночевывая в лесу. Весь день и всю ночь пение и молитвы не прекращаются.

¹⁵ К истории православного старообрядчества ...// ЕЕВ. 1906. № 19. С. 620–621.

¹⁶ Там же. С. 621.

¹⁷ К истории православного старообрядчества ...// ЕЕВ. 1907. № 1. С. 17.

Старец-скитник Аввакум похоронен здесь очень давно. Так давно, что даже старики деревни Сажиной говорят: наши деды не знали, с каких пор могила эта здесь находится. Предание говорит, что чтимый старец жил в лесу и питался только ягодами и грибами. Он проводил время в молитве. Сложилась легенда, что всякого одинокого человека, направляющегося к могиле, старец любовно встречает на перекрестке и провожает до могилы, так как иначе можно заблудиться ...»¹⁸.

В последней четверти XVIII в. в окрестностях Краснояра возник скит, длительное время остававшийся самым значительным и наиболее почитаемым в округе. Основателем этой старообрядческой пустыни был инок Геласий (в миру – Григорий). По сведениям, собранным миссионерами, его отец – Матвей Богомоллов – «происходил из дворян Киевской губернии». В середине XVIII в. «дворянин» Богомоллов бежал на Урал и обосновался на Верхне-Тагильском заводе. Там юный Григорий учился в заводской школе, работал. В возрасте 30 лет, «ради спасения души», он покинул дом и переселился в скиты (не исключено, что в знаменитые «Веселогорские»). Позже инок Геласий перебрался в Ревдинскую волость, где построил себе небольшую келью в пяти верстах от Краснояра на р. Малый Ик.

Слухи о подвижнической жизни Геласия достаточно скоро распространились среди местного населения и вскоре близ его кельи были устроены другие, населенные новыми иноками. Скит быстро благоустраивался, но был почти полностью уничтожен огнем во время случившегося пожара. Геласий с братией покинули обжитое место и переселились на речку Большой Ик, где выстроили новый скит.

Игумен Геласий скончался в 1825 г., оставив после себя изрядно обустроенный монастырь, где проживало до 40 монахов и который ежегодно посещали сотни паломников. Преемником о. Геласия был избран инок Арсений. При нем скит был перемещен в более уединенные, чем прежде, места (7 верст от Краснояра, снова на р. Малый Ик)¹⁹.

Согласно описанию современника скит «состоял из деревянных зданий, обнесенных забором. Пред входом во двор по ту и другую сторону находились огороды в виде садов. По входе в ограду, представлявшую род крытого двора, на правой стороне – деревянное здание, в которое вела чрез еловый небольшой садик тропинка. Внутренность здания разделена на многие весьма малые комнаты. Это братские кельи, в которых помещался и настоя-

¹⁸ Судогорский В. Памяти подвижников// Уральский старообрядец. 1915. № 4–5. С. 23–25.

¹⁹ К истории православного старообрядчества ...// ЕЕВ. 1906. № 18. С. 595–598; № 19. С. 620.

тель ... Другой открытый двор с восточной стороны [был] обнесен забором, а с южной и западной – деревянными строениями, в коих помещались пекарня, погреба, амбары. Посреди этого двора стояла деревянная часовня, почти новая, высокая и обширная, внутри ошекетуренная, украшенная богатым иконостасом с иконами. По стенам висели монашеские клобуки, книг было много ...»²⁰.

В отличие от Геласия, о. Арсений был человеком «не книжным». Очевидно, что он не пользовался среди братии таким авторитетом, как его предшественник. При нем заметно упала дисциплина, монастырский устав уже не исполнялся так строго, как раньше. Последнее обстоятельство довольно скоро привело к тому, что «многие почитатели отвернулись от скита», и приток милостыни значительно сократился.

Арсений управлял скитом до своей кончины в 1834 г. Его место занял инок Феодорит (Федор Емельянович Сисин). Во время настоятельства Феодорита проблемы, о которых было сказано выше, значительно обострились. Многие монахи в поисках более достойного места обитания покинули пустынь. К внутренним неурядицам добавились весьма серьезные внешние проблемы: скит все чаще стали навещать православные миссионеры, склоняя старообрядческих иноков принять единоверие.

В начале 1835 г. произошло незаурядное событие, ставшее переломным в истории красноярского скита: старообрядческую пустынь посетил екатеринбургский епископ Евлампий (Пятницкий). Осмотрев скит, владыка беседовал с иноками об условиях их перехода в единоверие. Однако тогда старообрядцы не дали епископу определенного ответа, ссылаясь на отсутствие в скиту настоятеля Феодорита, который в это время уезжал в Екатеринбург.

Несколько позже скитники встречали еще одного высокого гостя – владельца Ревдинского завода А.П. Демидова. Именно он окончательно убедил иноков принять единоверие, обещая, что лично будет ходатайствовать перед высшим духовным начальством об обращении скита в единоверческий монастырь, и что все затраты на ремонт скита будут произведены за его счет. Феодориту же была обещана должность игумена в новом монастыре.

Весной 1836 г. епископ Евлампий писал А.П. Демидову: «от 17 марта крестьянин Вашего Ревдинского завода Феодор Сисин, в раскольническом иночестве Феодорит, вошел ко мне с прошением как о присоединении его к церкви на правах единоверия, так и о том, чтобы ему, по обещанию его, равно по вдовству и бессемейности продолжить избранную им иноческую жизнь и пребывание для сего в прежнем же месте, в Красноярском ските, с желаю-

²⁰ К истории православного старообрядчества ...// ЕЕВ. 1906. № 19. С. 622.

щими разделить с ним подобное уединение и братство ... Устройство же скита он описывает так, что в нем имеется исправная часовня, украшенная иконостасом и иконами, снабженная книгами, при ней имеются кельи, в коих без труда может помещаться до 15 человек, вокруг скита земля для огородов, для сенокоса, на речке Ик может быть достаточная рыбная ловля. Жившим там вроде иноков доселе выдавалось и выдается от заводского ведомства по полтора пуда хлеба и по полтора фунта соли на человека в месяц»²¹.

Евламий просил заводовладельца разрешить скитникам на официальных основаниях пользоваться землей и санкционировать «увольнение на жительство в скит» иноков, большинство которых формально числились крестьянами Ревдинского завода. В это время вместе с Феодоритом в скиту проживало еще 11 человек (семь из них крестьяне Ревдинского завода, двое – Васильево-Шайтанского, один – Бисертского и один по паспорту был екатеринбургским мещанином). В том же году к ним присоединилось еще семь человек, а в ноябре 1836 г. в скит прибыл единоверческий иеромонах Иоанн, которому епархиальным начальством было поручено совершать богослужение в скиту и единоверческих церквях округи.

Демидов в своем распоряжении ревдинской заводской конторе написал «дозволить единоверческому скиту пользоваться всеми теми угодьями и употребить на сооружение при нем церкви и покупку потребной утвари сумму не свыше двух тысяч рублей». Казалось, что «судьба» красноярского скита вполне определилась, но действительность была гораздо сложнее идеальных планов руководителей православной церкви.

В ноябре 1837 г. Феодорит слезно жаловался епископу Евлампию: «... промыслом Вышнего дано мне небольшое число братии, которую пропитывать и содержать ныне не имею ни возможности, ни средств, и скит приходит в последнее разорение и запустение. Ежедневные недостатки во всем, с каждым днем увеличиваясь, умножают братии на меня ропот и жалобы, ибо от господина заводовладельца по сие время особенного положения на содержание обители не положено. Прежние знакомые старообрядцы, не принявшие православия, от пособий вовсе отказали, а дабы обитель совершенно не опустела и братия не разошлась куда кому можно и где возможно содержаться без бедности, того ради прошу Ваше Преосвященство употребить свое архипастырское ходатайство пред заводосодержателем в снабжении нужным для поддержания скита, или, в случае нужды, выдать книгу для записи добровольных пожертвований»²².

Евламий снова обратился за помощью к Демидову. Заводовладелец, вроде бы, подтвердил, что вовсе не против единоверческого монастыря на

²¹ К истории православного старообрядчества. С. 623–624.

²² Там же. С. 627.

заводской земле, но на уровне местных властей решение вопроса очередной раз затянулось. А в начале 1840-х гг. произошли события, которые, безусловно, отразились на судьбе красоярского скита: во-первых, в 1840 г. покинул екатеринбургское викариатство епископ Евлампий, а, во-вторых, в 1841 г. состоялось крупное выступление ревдинских углежогов, надолго ставшее главной «головной болью» местных властей²³.

Согласно документам Екатеринбургского секретного совещательного комитета за 1849 г., Феодорит все еще ждал, что скит «устроен будет в виде монастыря за счет заводов. И как это до сих пор не исполняется, и как товарищи его разошлись из скита, то он остается по-прежнему в расколе, пока по обещанию не выстроят монастыря»²⁴. Но единоверческая обитель под Краснояром так и не появилась. Лишь в 1857 г. в деревне была построена небольшая единоверческая Никольская церковь (кстати, возведенная все же на деньги Демидова).

Справедливости ради стоит отметить, что усилия миссионеров по «насаждению» единоверия в Ревдинской волости привели к определенным подвижкам. Как отмечал в 1844 г. священник Первушин: «Раскольники здешние становятся молчаливее прежнего времени, не спорят о своих причинах отделения от Церкви, и говорят, что они один по другому присоединяться будут к Церкви, и наипаче при бракосочетаниях, и что уже у многих из них в семействах есть члены Святой Церкви, с коими они употребляют пищу вместе, только еще молятся порознь»²⁵.

Однако, на наш взгляд, оценивая ситуацию, миссионер был слишком оптимистичен. Зачастую переход в единоверие был для местных жителей формальностью или же вынужденным актом (как, например, обращение в единоверие управляющего Ревдинским заводом А. Круглова в 1841 г.). Как сообщал в 1845 г. в своем рапорте о состоянии раскола другой ревдинский священник: «Заводская полиция не препятствует сборам раскольников к умершим (т.е. к могилам – С.Б.), так как полицейские заводские, по большей части единоверцы, почитают раскольников, покрывают их, во всем поддерживают. Отовсюду безвозбранно и без всяких увольнительных листов приезжающие в Ревдинский завод таковые же раскольники, то по торговым делам, то для одних совещаний (для коих ревдинские таковым же образом отлучаются в Екатеринбург, Шарташ и Тагильские заводы) и, соображаясь с упорством своих единоверцев».

²³ События 1841 г. в Ревде и роль старообрядцев в волнениях подробно рассмотрены В.И. Байдиным в его диссертационном исследовании. См.: *Байдин В.И.* Старообрядчество Урала и самодержавие (кон. XVIII–середина XIX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1983. Л. 138–141.

²⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5168. Л. 246–247 об.

²⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 489. Л. 100.

мышленников, остаются с одинаковым прежним ожесточением ко Святой Церкви»²⁶.

В целом, следует признать, что попытка церковных властей устроить под Красноярром единоверческую обитель оказалась столь же неудачной, как и история с организацией единоверческого монастыря около Шарташского селения. Основными причинами этого, на наш взгляд, были сильное нежелание местного населения (большей частью старообрядческого) видеть у себя «под боком» никонианский (пусть даже на правах единоверия) монастырь и весьма показательная незаинтересованность заниматься этой проблемой со стороны местных заводских руководителей и представителей власти. И все же, благодаря усилиям православных миссионеров, к концу 1830-х гг. старообрядческие скиты в Ревдинской волости фактически перестали функционировать, хотя иноки и инокини проживали здесь вплоть до начала XX в., находя приют в потаенных кельях, устраиваемых в домах старообрядцев.

В отчете миссионера о состоянии раскола в волости за 1895 г. говорится, что только в Ревдинском заводе насчитывается три старообрядческих моленных дома: 1. «на задах усадьбы крестьянина Дмитрия Игнатьева Богомолова, отдельно от жилых помещений и с отдельным входом с улицы»; 2. «при доме Сильвестра Исидорова Шумкова»; 3. «в доме крестьянской вдовы Пелагеи Никитиной Баженовой имеется женский скит с молельней, поддерживаемый екатеринбургскими купцами Бородиными»²⁷. В начале XX в. к ним добавилась молельня, расположенная в усадьбе крестьянина М.Г. Заколюкина. Состоявшие при этих моленных наставниками Павел Семенов Свалов и Сильвестр Шумков, «вместе с именуемой старицей-черноризицей Пелагеей Баженовой, считаются руководителями ревдинских старообрядцев»²⁸.

Следует отметить, что в последней четверти XIX в. скитская жизнь в Ревдинской волости возродилась с новой силой. Верстах в 40 от села Красноярского, на берегу р. Нязи близ впадения в нее речки Кенчурки возник скит о. Израиля. Имя этого человека неоднократно упоминалось в миссионерских отчетах, но достоверных сведений о нем так никто и не сообщал. Вместе с тем, нужно признать, что в 1880-е гг. о. Израиль, без сомнения, был одним из духовных лидеров старообрядцев не только в Ревдинской волости, но и на всем горнозаводском Урале.

²⁶ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 494. Л. 61.

²⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 85. Л. 49, 66.

²⁸ Отчет Екатеринбургского епархиального миссионера за 1901 г. ... С. 17–18.

Неслучайно о нем говорится в «Родословии часовенного согласия», составленном о. Нифонтом, в шестой главе, где автор выстраивает иноческую линию передачи древнего благочестия, существовавшую на Урале²⁹:

инок-схимник Максим

инок-схимник Власий

инок-схимник Никодим

инок-схимник Лаврентий   инок-схимник Климент   инок-схимник Никита
черноризец Нифонт   черноризцы Тарасий   Израиль   Иларий

Известно, что упомянутый в «Родословии» инок Никита возглавлял один из скитов, находившихся в «Урминских пределах»³⁰. Следовательно, именно там (в кунгурских лесах) начал свою скитскую жизнь его послушник Израиль. Позже он обитал в небезызвестном Кедровском скиту, где и был в 1862 г. первый (и единственный) раз арестован властями «за бродяжничество».

Израиль и еще 12 человек, пойманные вместе с ним, проживали в двух скитах (девять мужчин – в одном, а четыре женщины – в другом, отстоявшем от первого на расстоянии одной версты). «Израиль пользовался большим влиянием среди беспоповцев Урминской волости, особенно же в деревнях Кедровке и Тепляки»³¹. Из Кунгура, куда доставили скитников, они были отправлены по этапу на места рождения. Израиль и еще один инок Елисей «были отпущены на поруки богатого купца Аксенова»³². Если к этому добавить, что купец второй гильдии Т.М. Аксенов был одним из «столпов раскола» в Нижнетагильском заводе – «старообрядческой Мекке» Урала, то следует признать, что более «нежного» наказания для о. Израйля невозможно было придумать.

Неизвестно, сколько времени о. Израиль провел в Нижнем Тагиле. Думается, что не очень долго. Вероятно, довольно скоро он покинул гостеприимный кров Аксенова и вновь отправился в скиты. Не исключено, что уже тогда Израиль обратил свое внимание на безлюдный район, расположенный на самом юге Ревдинской волости. Обосновавшись на берегу р. Нязи (близ впадения в нее речки Кенчурки), Израиль основал пустынь, которая вскоре стала весьма популярна среди старообрядцев Урала.

²⁹ Духовная литература староверов востока России ... С. 89–91.

³⁰ Белобородов С.А. Старообрядческие скиты в «Урминских пределах» ... С. 287.

³¹ Пругавин А.С. Старообрядчество во второй половине XIX в. М., 1904. С. 54.

³² Там же. С. 50.

На первых порах единственным поселением, расположенным в пяти верстах от скита, было охотничье зимовье ревдинского старообрядца А.Л. Коменова. Но уже в 1880-е гг. на месте зимовья появилась небольшая деревушка, получившая название Кенчурка.

Наиболее раннее упоминание об этом ските мы обнаружили в воспоминаниях старообрядца Д.С. Колегова, позже перешедшего в единоверие, который сообщал, что в 1885 г. «по дороге [домой] через Ревдинский завод заходил к отцу Израилю в пустыню на реке Нязе и прогостил тут две недели. Обитель обширная, братии много, на службу созывали колоколом коровым, за трапезу тоже, во время трапезы полагалось чтение»³³.

Скорее всего, Израиль – уже очень немолодой человек – большую часть времени проводил в скиту. Однако в особых случаях он покидал обитель. Так, например, его имя зафиксировано в постановлении старообрядческого собора, состоявшегося в Екатеринбурге 11 января 1887 г.³⁴ Об Израиле, как о еще здравствующем лице, сообщается в миссионерском отчете за 1895 г. А в документе, датированном 1899 г. он назван «недавно умершим»³⁵. Похоронен Израиль близ Кенчурки, и это место (как и расположенные рядом могилы других скитников – о. Иоанна и о. Анатолия) до 1960-х гг. «входило в программу» посещения старообрядческих святынь района³⁶, но теперь фактически заброшено.

Вероятно, вскоре после основания мужской обители неподалеку возник и женский старообрядческий скит. Со временем женская обитель стала весьма многолюдной и прекрасно обустроенной. По воспоминаниям жителей Кенчурки, она находилась в трех верстах от деревни на берегу Нязи. Монастырь окружал высокий забор, за которым находились жилые и хозяйственные постройки, деревянная часовня.

После кончины настоятеля мужской скит, созданный им, еще некоторое время продолжал функционировать. Вот как описывал его в начале XX в. православный миссионер: «Не менее [чем могилы на Веселых горах] известен у старообрядцев и скит о. Израиля, получивший свое название от проживавшего здесь несколько лет тому назад старца. Скит этот представляет собой поселок домов в 10, находящихся в глуши лесов на берегах р. Нязи. Насколько глуха эта местность, можно судить уже по тому, что доселе никто не может точно сказать, в каком уезде находится скит. Одни говорят, что он находится в Ревдинской заводской даче, следовательно – в Екате-

³³ Колегов Д.С. Мое пребывание в расколе// ЕЕВ. 1903. № 19. С. 575.

³⁴ Духовная литература староверов востока России ... С. 352.

³⁵ Отчет о состоянии раскола в Екатеринбургской епархии за 1899 г.// ЕЕВ. 1901. № 10. С. 154.

³⁶ Архив ЛАИ УрГУ. Дневники. Д. 46 / 78. Л. 12 об.

ринбургском уезде, другие же утверждают, что он принадлежит к Нязе-Петровской даче, следовательно – к Красноуфимскому уезду. Но, так или иначе, прискорбно то, что жители Верхнеуфалейского завода, занимаясь близ означенного скита приготовлением угля и его перевозкой в завод, имеют общение с его насельниками, бывая у них на молитвенных собраниях и беседах. А все это способствует укреплению старообрядческих заблуждений в заводском населении!»³⁷.

Женский скит просуществовал значительно дольше мужского. Его «упразднили» лишь в 1930-е гг. Однако и после этого скитская жизнь близ Кенчурки продолжалась вплоть до второй половины XX в. Известно, по крайней мере, о двух скитницах – матушках Македонии (Петуховой) и Елене (Калининой), которые проживали в келье на берегу речки. Лишь в начале 1970-х гг. они переселились в деревню, где и скончались³⁸.

³⁷ Состояние расколо-сектанства в епархии и деятельность миссии в 1903 г.// ЕЕВ. 1904. № 22. С. 630.

³⁸ Архив ЛАИ УрГУ. Дневники. Д. 46 / 78. Л. 9, 11, 13, 14 об., 27.